

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

дер.Доры

5 апреля 1961 года

Следователь следотдела КГБ при СМ БССР старший лейтенант допросил свидетеля:

ДЕНИСИК Василия Андреевича, 1892 года рождения, уроженца и жителя дер.Доры, Воложинского района, Минской области, белоруса, гр-на СССР, с 4-классным образованием, не судимого, беспартийного, колхозника.

Об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний по ст.ст.177 и 178 УК БССР предупрежден.

Подпись.

На вопросы показал:

В период Отечественной войны я проживал на временно оккупированной немцами территории в деревне Доры. В конце июля 1943 года, которого числа не помню, в нашу деревню прибыли немецкие каратели, часть карателей прибыла со стороны деревни Среднее Село, а часть карателей - со стороны деревни Нелюбы. Прибыли они в нашу деревню во второй половине дня. Остаток дня они собирали по деревне трудоспособное население, как говорили тогда, для отправки на работу. В этот день карателями была сожжена часть деревни Нелюбы, поэтому молодежь и большинство мужчин бежали из деревни. Так что каратели собрали для отправки на работу немного населения, сколько именно сейчас не помню.

Прибывшие в деревню каратели почти все были одеты в немецкую военную форму темно-зеленого цвета. Знаков различия их формы не помню. Вооружены они были винтовками и автоматами. Среди карателей были и полицейские.

После сборов трудоспособного населения каратели остались ночевать в нашей деревне, а собранное население угнали в сторону дер.Среднее Село.

Ранним утром следующего дня над деревней раздались тревожные звуки церковных колоколов. Я с семьей выскочил из дома и спрятался в кустарник около своей усадьбы. Через некоторое время к моей усадьбе подошли трое. Немец, вооруженный автоматом, полицейский тоже с автоматом и житель нашей деревни ШЕВЧИК Василий, погиб во время расправы. Они зашли вначале в дом, а затем направились в кустарник, где я прятался с семьей.

Подойдя ко мне с женой, дети прятались в дургом месте, полицейский приказал запрячь мне лошадь. Выгнали со двора скот,

запряженную лошадь и скот каратели погнали к центру деревни. Мне и жене приказали следовать вместе с ними. Скот и нас каратели пригнали на огороженный сенокос КУЛИК Павла, находящийся метрах в двухстах от церкви. Вокруг изгороди стояли каратели, вооруженные автоматами и винтовками. Одеты они были в темно-зеленую немецкую военную форму. Среди карателей были немцы. Некоторые каратели, как я слышал, разговаривали на белорусском языке, а некоторые - на украинском. Когда я еще скрывался в кустарнике около своего дома, то были слышны несильные взрывы, доносящиеся со стороны церкви. Затем со стороны церкви поднялись клубы черного дыма.

Когда меня с женой каратели пригнали за изгородь около церкви, то церковь уже догорала, догорала и находящаяся неподалеку от нее школа. Находящиеся за этой изгородью граждане нашей деревни тогда говорили, что каратели сожгли в церковь более ста жителей нашей деревни. Затем в обреченных стреляли и бросали гранаты и зажгли церковь вместе с находящимися в ней людьми.

Еще не утихло пламя, поглотившее более ста жителей нашей деревни в церкви. Около ста жителей, в том числе и меня каратели погнали в дом ТРЕМБИЦКОГО Францишка. Сдержанный плач был слышен среди обреченных на гибель людей. Люди сопротивлялись, не хотели входить в дом. Каратели прикладами и палками загнали в дом людей. Как только людей загнали в дом, по нам каратели открыли стрельбу. Из какого оружия они по нам стреляли, я точно не помню, но кажется, из автоматов. Стоны и вопли потрясали стены дома. Еще не утихли стоны и плач, как каратели подожгли дом, продолжая по нему стрелять. Мне каратели прострелили левое плечо и мезинец на правой руке. Я упал. Когда я очнулся от испуга, то дом уже наполнялся дымом и языки пламени вырывались через разбитые окна. Пробираясь через окровавленные трупы, я отыскал дверь. К счастью моему, дверь была открыта. Весь окровавленный и обессиленный от потери крови я выполз из горящего дома, решив, что лучше буду убит, чем гореть живьем. Но карателей к этому времени около дома уже не было. Я ползком добрался до ржи. Метрах в пятидесяти от дома отсюда мне было видно, что вся наша деревня объята пламенем.

Примерно часа через два пламя утихло. В этот день немецкие изверги зверски уничтожили более двухсот ни в чем невинных граждан нашей деревни. Были уничтожены не только взрослые, но и дети. Каратели также сожгли около ста домов.

Насколько я помню, среди карателей, гнавших нас на расстрел в дом ТРЕМБИЦКОГО Францишка, были и такие, которые разговаривали на русском языке. Были ли это белорусы, русские или украинцы я не помню.

В этот день каратели зверски уничтожили и мою жену.